
Елизавета БЕЛОЗЁРОВА

* * *

Наскребла по сусекам своей подпорченной «Л»,
Разбодяжена с горькой трухой вполовину где-то.
Уместилось в наперсток — а сколько бы ты хотел?
Все давно пропито, пробито, давно отпето.

Помню, ты травился этой паленой «Л»,
Запивая чем-то — этого я не помню.
И молчал так громко, сквозь тишину смотрел
В эти карие рваные окна. Что ж, поделом мне.

И смешно подумать, какое же это г-но,
А и этой дряни так по-хозяйски жалко.
Я смотрю в наперсток — еле покрыто дно —
И реву ограбленной провинциалкой.

А в тебя, попавшего в тараканий ад,
Мне осталось кинуть последний соленый взгляд
И, сложив в наперсток свой копеечный хлам,
Уходить по каким-то страшно важным делам.
Вроде надо пожить для виду еще чуть-чуть,
На разбитый череп снова лицо натянуть,
С кем-то спать (гормоны), работать (чтобы поесть),
В Интернете топить за «мораль» и «честь».
В общем, дел не счесть.

Сохрани, умоляю, хоть грамм этой дурацкой «Л».

* * *

Хочется говорить о
Ценах на сахар,
Урожае редиса,
Дворцах Путина,
Но в горле застряла скрипка,
Открою рот — музыка, только музыка разлетается
Во все стороны.

Елизавета Белозёрова родилась в 1996 году — поэт, прозаик, выпускница Литературного института имени Горького.

Волей-неволей взлетаю за ней,
И серебристыми легкими каплями — по лицу, в глаза, на ладони —
Невыносимо светлое, неуловимо живое. И нельзя говорить ни о чем,
Только прислушиваться, только вглядываться...
Давно окрестили чокнутой,
Потому что в ответ
На чей-то «привет»
Молчание или музыка,
Которой никто не слышит.
И вот наступил момент, когда нужна
Эта музыка,
Нужна — здесь,
Нужна — сейчас...
Но скрипка моя оглохла. Открываю рот, а оттуда —
«Какая в Москве отвратительная погода на этой неделе».

* * *

Уродливые раны на теле истории
Аккуратно перевязаны логическими цепочками,
Так не страшно черпать черную жижу
Даже из самой глубокой.
Человек идет по одной дороге
С божествами всех величин,
Ему нечего опасаться,
Кроме вирусов и наводнений,
Но и этих скоро замкнут
В неидеальные камеры
Гениальных открытий.
И тогда станет красиво,
Разумно и весело —
Тем из людей, кто выживет,
Кто из людей выжжет,
Выжмет
50 % ненужности,
15 % нелепости,
34 % глупости.
Золотой процент человека — новая вершина человечества.

«Там наверху холодно, человек».

* * *

Чужой человек держал меня
За глупую семнадцатилетнюю руку,

Выползали слова, как змеи,
 Оборачивались вокруг шеи:
 «Я построю тебе дворец,
 И от целого мира, злого,
 Уберегу тебя».
 Но рука отнималась — «не верю».
 «Тогда — смотри!»
 Расстегнул рубашку, разрезал кожу,
 Вынул грудную клетку
 И вместе с моим «не верю»
 Запер меня внутри.
 И было душно, и стало страшно —
 «Пусти». —
 «Глупая, разве не знаешь,
 Это и есть — счастье,
 Другого не бывает».
 Но расшатав ребра, выбралась — убежала,
 Гнулся он, бесхребетный,
 Вслед мне плевал кровью,
 «С... ты, тварь, шлюха,
 Я тебе все отдал».
 Если бы обернулась,
 Видела бы, наверно,
 Как отрастают быстро
 И позвонки, и ребра.
 Но обернуться — страшно,
 Но вспоминать — тошно,
 Только ночами, бывает,
 Видится в полудреме,
 Как чужой человек
 Сжимает глупую руку.

* * *

Полутон, полужвук, от небес — половина,
 В этом городе горы — и те воробьины,
 И по улочкам узким, не меняя маршрут,
 Половины людей бесконечно бредут.
 Половины сердец, половины голов —
 И никто никому объяснить не готов,
 Отчего этим лицам, рукам, животам
 Разорваться однажды пришлось пополам.
 И по тем же маршрутам, привычки храня,
 Где-то бродит теперь половина меня
 И по тем же законам обещает и впредь
 Полужить, полумыслить, сполна умереть.

* * *

Даже деревья строги
В этом холодном климате.
Я никого не трогаю,
Я — починая примус.
В медных боках начищенных
Все отраженья скомканы.
Как же удобно дни считать
Маленькими поломками!
Маленькими починками
Годы мои залатаны,
В этой духовной линьке
Нечего больше прятать.
Камерной перемогою
Я распрямляю спину,
И — никого не трогаю,
И — починая примус.